

Глава 1 ПРИГОТОВЛЕНИЕ К КРЕЩЕНИЮ

1. Значение приготовления

Эта, сравнительно короткая в настоящее время, часть обряда представляет собой последний сохранившийся элемент длительного приготовления к крещению, которое в прошлом занимало от одного года до трех лет, в зависимости от местной традиции. Готовившиеся к принятию крещения, так называемые *катехумены*, или *оглашенные*, постепенно вводились в жизнь Церкви посредством специальных обрядов, таких как экзорцизм (изгнание нечистых духов), участия в молитвах, обучения их Священному Писанию и т. п. В этом приготовлении участвовала вся община, которая таким образом сама готовилась к принятию новых членов. И именно это двойное приготовление — оглашенных и Церкви — дало начало длительному предпасхальному периоду, который мы в настоящее время называем Великим Постом². Это был период напряженной завершительной подготовки к Святой ночи, назначением которой было просвещение приходящих ко Христу и ищущих в Нем спасения и новой жизни.

Крещение не является исключением из этого основного правила. Оно требует приготовления, даже если человеческому существу, принимающему му крещение, всего несколько дней от роду и он не способен понять, что с ним происходит. Православная Церковь, в отличие от всевозможных рационалистических сект, никогда не ставила условием крещения. Более того, она утверждает, что истинное понимание становится возможным только благодаря крещению, что это понимание является скорее плодом и следствием крещения, чем его условием. Мы весьма далеки от поверхностной идеи, что крещение является недействительным, если оно не «понято» и не «воспринято», а потому может совершаться только над взрослыми людьми.

2. Оглашение

В требнике молитвам оглашения предшествует следующее описание:

Разрешает священник пояс хотящаго просветитися, и совлачает и отрешает его, и поставяет его к востоку во единой ризе непрепоясана, непокровена, необувена, имущаго руце доле, и дует на лице его трижды, и знаменует чело его и перси трижды, и налагает руку на главу его...

Это указание нуждается в пояснении, а описанные действия должны быть рассмотрены в контексте всего предкрещального приготовления.

В ранней Церкви взрослого человека, пожелавшего стать христианином, приводили к епископу местной Церкви его восприемники⁴, т. е. те члены христианской общины, которые могли свидетельствовать о серьезных намерениях новообращенного и искренности его обращения.

Новообращенного приводили к епископу, который в ранней Церкви был священником, пастырем и учителем местной христианской общины. Получив заверения в серьезности намерений обратившегося, епископ вносил его имя в список оглашенных⁵. Затем он трижды осенял крестным знаменем новообращенного и возлагал руку на его голову. Этот первоначальный ритуал, называвшийся *зачислением*, означал, что Христос принимает этого человека в Свое достояние и вносит его имя в Книгу Жизни. Во времена св. Иоанна Златоуста это происходило в самом начале Великого Поста⁶. Сейчас эти действия составляют первый шаг чинопоследования крещения, и их смысл выражается в первой молитве «во еже со-творити оглашенного»:

О имени Твоем, Господи Боже Истины, и Единородного Твоего Сына, и Святаго Твоего

духа, ВОЗЛАГАЮ руку мою НА раба Твоего, сподобьшагося прибегнути ко Святому Имени Твоему, и под кровом крил Твоих сохранитися. От-стави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и люкве: дн урд-зумеет, яко Ты еси един Бог истинный, и бдно-родный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Овятый Твой Дух. ДАЖДЬ ему во всех зловедях Твоих ходити и угождати Тебе сохрани: яко дще сотворит сия человек, жнк Будет в них. НАПИШИ его в книзе

жизни Твоя, и соедини его СТАДУ наследия Твоего: да ПРОСЛАВИТСЯ имя Твое Святое в нем, и воздвигнута Твоего Оубла, ГОСПОДА же нашего Иисуса Христа, и животворящаго Твоего Духа. Да Будут очи Твои взирюще на него милостию твою, и уши Твои еже услышати ГЛАС моления его. Возвесели его в делах руку его, и во всяком роде его, да исповестся Тебе поклоняясь, и СЛАВЯЙ имя Твое великое и высшее, и ВОСХВАЛИТ Тя твою во вся дни живота своего. Ты же поют вся силы невидимыя, и Твоя есть СЛАБА, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

И первое священнодействие крещального обряда — это акт защиты: рука священнослужителя — рука Самого Господа Иисуса Христа — защищает, дает прибежище, «берет под крыло». Ибо скоро предстоит смертельная схватка, и в первой же молитве говорится об ее крайней серьезности.

Новообращенный «зачислен», вписан в Книгу Жизни и вскоре будет присоединен к «стаду наследия» Божия. В то же время ему также сообщена высшая цель крещения: восстановление *истинной жизни* — жизни, утраченной грешным человеком. Эта жизнь описывается как «поклонение, восхваление и прославление великого и высшего Имени». Но это и есть описание небес и вечности, — того, что, согласно Писанию, силы небесные вечно творят пред Престолом Господним. Спасение, восстановление жизни, дар жизни вечной — таковы те стороны крещения, которые приоткрываются нам в этом первом подготовительном обряде. Таково начало решающего события в человеческой жизни.

3. Изгнание нечистых духов

Подготовка к крещению состоит из *наставлений в вере* и *экзорцизма* (изгнания нечистых духов)⁷. Поскольку в настоящее время, ввиду того что крещение происходит в младенческом возрасте, наставления в вере по необходимости переносятся на более позднее время, мы начнем наше исследование с обряда изгнания духов, который в теперешнем чинопоследовании следует непосредственно за первой молитвой.

Современный человек, даже православный, бывает весьма удивлен тем, что обряд крещения начинается со слов, обращенных к диаволу. В его религиозном мировоззрении для диавола нет места: это понятие, по его мнению, принадлежит темному Средневековью и характерно для низкого интеллектуального уровня.

Итак, наше первое утверждение заключается в том, что демоническая *реальность* существует: существует зло как темная сила, как присутствие, а не только отсутствие. Но можно пойти дальше. Ибо точно так же, как не может быть любви без любящего, т. е. без личности, которая любит, так и не может быть ненависти без того, кто ненавидит. И если высшая тайна добра заключена в личности, то и высшая тайна зла должна также иметь личностный характер. Носителем темной иррациональной силы зла должна быть *личность или личности*. Должен существовать личностный мир тех, кто выбрал ненависть к Богу, к свету, кто выбрал быть *против*. Кто эти личности? Когда, как и почему выбрали они путь против Бога? На эти вопросы Церковь не дает точных ответов. Чем глубже реальность, тем труднее она представима а с помощью формул и утверждений. И поэтому ответ прячется в символах и образах, говорящих о восстании против Бога в сотворенном Им духовном мире части ангелов, *обуянных гордыней*. При этом источник зла заключается не в их неведении и несовершенстве, а, напротив, в их знаниях и совершенстве, которые сделали возможным искушение гордыней. Кто бы он ни был, сатана принадлежит к самым первым и лучшим созданиям Бога. Он был достаточно совершенен, мудр и силен, можно даже сказать, достаточно *божественен*, чтобы знать Бога и не подчиниться Ему — знать Его и все же сделать выбор против Него, пожелать свободы от Него. Но поскольку такая свобода невозможна в любви и свете, которые всегда ведут к Богу и добровольному подчинению Ему, она неизбежно осуществляется в отрицании, ненависти и бунте.

Если мы и можем что-либо узнать о зле из нашего духовного опыта, так это следующее: нужно не объяснять зло, а противостоять ему и бороться с ним. Так поступил со злом Господь. Он не стал объяснять его. Господь послал Сына Своего Единородного, чтобы Он

был распят всеми силами зла и тем самым сокрушил их Своей любовью, верой и послушанием.

По этому пути должны следовать и мы. В то самое мгновение, когда мы примем решение идти за Христом, мы неминуемо встретим на этом пути сатану. В крещальном чине, который есть акт освобождения и победы, прежде всего совершается изгнание нечистых духов (или *запрещена сат-юны*), поскольку на нашем пути к крещальной купели мы неизбежно сталкиваемся с темной могущественной фигурой, преграждающей нам этот путь. Если мы хотим продвинуться вперед, ее нужно прогнать. В момент, когда рука священника касается головы чада Божия и осеняет ее знаком Христа, сатана оказывается тут же, чтобы защитить украденное им у Бога и объявленное им своей собственностью. Мы можем не видеть его, но Церковь знает, что он здесь. Мы можем не ощущать ничего, кроме теплой семейной атмосферы, но Церковь знает, что сейчас развернется смертельная битва, высшей ставкой в которой являются не толкования и теории, а вечная жизнь или вечная смерть. Ибо, хотим мы этого или нет, знаем мы это или нет, но мы все вовлечены в духовную войну, которая ведется от самого сотворения мира. Разумеется, Господь одержал решительную победу, но сатана еще не сдался. Напротив, согласно Писанию, именно смертельно раненный и поверженный, он готовит последнюю и самую кровавую битву. Он ничего не может сделать против Христа, но он может многое совершить против нас. Поэтому запрещение сатаны есть только начало борьбы, которая составляет первую существенную сторону христианской жизни.

Но «запрещение сатаны» — это не объяснение, имеющее целью доказать что-либо некоему существу, которое извечно ненавидит, лжет и разрушает. По словам св. Иоанна Златоуста, это «устрашающие и удивительные»⁸ заклинания, действие «пугающей и ужасающей» силы, которое рассеивает и уничтожает злую власть демонического мира:

Злпрещает тебе, дндколе, Господь пришедын в мир, н вселнвынся в чблокецб^, да разрушит твое мучительство, н челокекн измет, Иже на древе сопротнвныя силы поведи, солнцу померк-

Шу, н ЗемЛН ПОКОЛСБАВШЕИСЯ, н ГРОБОМ ОТВСрЗАЮ-

щнмся, н телесем святые восстающим: Иже разрушн смертпю смерть, н упраздни держлву нмушлго смерти, сиесть тебе, дндволд. Запрещают тебе Богом, показавшим древо живота, н оставившим ьерувны, и пламенное оружие окра-ЩАЮщееся стрелци то: запрещен вудн. Оным уво тебе запрещают, ходившим яко по суху на плещу морскую, и запретившим кури ветров: ©гоже зрение сушит вездны, н прещенне растляваст горы: Той ко и ныне ЗАпрещлет теке нами. Укон-ся, нзыдн, н отступи от создания сего, н да не возвратнися, ниже утаннися Б нем, ниже да срящеши его, или действуешн, ни в ноцн, ми во дни, или в чдсе, или Б полудни: мо отндн во свой ТДртДр, ДАЖБ ДО УГОТОБДННДГО ВБЛНКАРО ДМБ Суднлго. УБОЙСЯ БОГА, седя1цлго на Херувимех и прн-зрндюшдго кездны, вгоже трепещут Ангелн, Ар-ХАнгели, Престоли, Господствл, начала, власти, Силы, многоочнтн Херувимы, и шестокрилдтн Сердфнмы: вгоже трепещут нево и земля, море, и вся яже в них. Изыдн, н отступи от здпечдТАННДГО НОБОНЗЕрДННДГО БОННА ХрНСТД БОГА НДшего. Оным БО тебе здпрещдю, ходящим на кри-лу ветренню, творящим Ангелы Своя огонь ПАЛЯЩ: изыдн, и отступи от СОЗДАНИЯ сего со всею силою н Ангелы твоими.

И, изгнав эту злую силу, священнослужитель совершает следующую молитву:

...Призри нд РАБА Твоего, взыщи, испытай и отженн от него вся дСЙСТБА ДИАВОЛЯ. ЗАпрети нечистым духом, н нзжеин я, и очисти дСЛА руку Твоею, н острое Твое употребнвый действо, сокруши сдтдну под нозе его вскоре, и ДАЖДЬ ему поведы нд него,, н нд нечистые его духи. Яко дд от Тебе милость получив, СПОДОБИТСЯ везмертнх, и невесных Твоих Тдйн... Прнмн в ЦАРСТВО Твое преневесное: отверзи его очи мысленный, во еже оздряти Б нем просвещению ввднге-лия Твоего...

Освобождение от демонической власти — начало восстановления человека. А

завершение — Царство Небесное, куда человек был принят во Христе, так что вознесение на небеса, соединение с Богом и обожение поистине стали высшим назначением и призванием человека.

И священник продолжает:

Изженн из него всякдго лукдвдго и нечнстлго духд, сокрытдго и гнездящдгося в сердце его...

Дух» прелести, духл лукавства, духл идолослу-

ЖБННЯ, И ВСЯКДГО ЛНХОНМСТВа, ДуХА ЛЖИ, И БСЯКИЯ

нечистоты, денствуемья по наущенню дндволю, и сотвори его овчд словесное ОВЯТАГО СТАДА ХрнстА Твоего, уд честен Церкви Твоея, сына и наследника Царствия Твоего: да по заповедем Твоим жительствовав, и сохранив печать нерушимую, и совлюди ризу нескверную, получит Блаженства Святых во Царствии Твоем...

Изгнание нечистых духов завершено. Наступило первое освобождение. Человек восстановлен как свободное существо, способное иметь истинную свободу — не ту, которую мы называем свободой и которая на самом деле превращает человека в постоянного раба своих желаний, а свободу снова принять истинную жизнь, исходящую от Бога и ведущую к Богу, свободу совершить единственный истинно свободный и поистине освобождающий выбор — выбор Бога. Этот выбор и составляет следующую ступень крещального чина.

4. Отречение от сатаны

В древности этот обряд, а также следующее за ним *исповедание Христа*, обычно совершались в Страстную Пятницу или в Великую Субботу⁹. Таким образом, они составляли конец, завершение приготовления к крещению. В настоящее время оба обряда совершаются сразу же после экзорцизма.

И совлечет/ и отрешену крещаемому, обращает его священник на запад, горе руце имуща...

^...*Обращает на запад...*». Здесь запад — это символ тьмы, местопребывания сатаны¹⁰. Крещаемый не боится стать с ним лицом к лицу, ибо изгнание нечистых духов сделало его свободным для того, чтобы он мог, прежде всего, отвергнуть сатану, бросить ему вызов, отречься от него. Это обращение на запад есть акт свободы, первое свободное действие человека, избавленного от рабства сатане.

«...*Совлечену и отрешену, горе руцв имуща...*». Крещаемый избавлен от всего того, что скрывало от него ранее его положение раба, что делало его лишь по видимости свободным человеком, даже не знающим о своем рабстве, о своей нищете и о своей тюрьме. Теперь он знает, что был пленником — «а пленники ходят раздетыми и разутыми»¹¹. Он отбросил все, что маскировало его рабство, его принадлежность сатане. Он «знает, от какого зла он избавлен и к какому добру он спешит...»¹². Его воздетые руки показывают, что он подчиняется Христу, хочет быть Его пленником, ищет этого плена, который, по словам Иоанна Златоуста, «превращает рабство в свободу... возвращает с чужбины на родину, в Небесный Иерусалим...»¹³

И священник глаголет:

Отрицавши ли ся САТАНЫ, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его и всея гордыни его?

И отвещает оглашенный, или восприемник его, и глаголет:

Отрнцаюся.

(Этот вопрос и ответ повторяются трижды).

Вопрошает священник крещаемого:

Отреклся ли еси САТАНЫ?

И отвещает оглашенный или восприемник его:

Отрекохся

(Этот вопрос и ответ повторяются трижды).

Тоже глаголет священник:

И дунн, н плюнм на него.

В период возникновения этого обряда его значение было очевидно как крещаемому, так и всей христианской общине. Они жили в языческом мире, который был пропитан *rotura diaboli*, т. е. поклонением идолам, участием в культе императора, обожествлением неодушевленных предметов и т. д.¹⁴. Оглашенный не только знал, от чего он отрекался, он сознавал также, к какой трудной жизни — поистине «неконформистской» и радикально противоположной образу жизни окружающих — обязывает его это отречение.

Когда же мир стал христианским и отождествил себя с христианской верой и христианским культом, значение этого отречения стало постепенно забываться, так что в настоящее время оно рассматривается как древний, анахронический обряд, как нечто курьезное, не требующее к себе серьезного отношения. Христиане так привыкли к христианству как неотъемлемой части их мира и к Церкви как религиозному выражению их мирских «ценностей», что само понятие напряженности или конфликта, существующих между их христианской верой и миром, исчезло из их жизни.

Таким образом, отречься от сатаны не значит отвергнуть мифическое существо, в чье существование даже не верят. Это значит отвергнуть целое мировоззрение, сотканное из гордыни и самоутверждения, из той гордыни, которая похитила человека у Бога и погрузила его во тьму, в смерть и ад. И можно не сомневаться, что сатана не забудет этого отречения, этого вызова. «Дунь и плюнь на него!» Война объявлена! Начинается битва, исход которой — либо вечная жизнь, либо вечная гибель. Именно в этом и состоит христианство. Именно это, в конечном счете, и означает наш выбор.

5. Исповедание верности Христу

И сие сотворшу, обращает его священник к востоку, доле руже имуща...

«...Обращает его к востоку...». Если поворот на запад во время отречения означает обращение к сатане и его мраку, то поворот к востоку означает обращение человека к райскому саду, возвращенному на востоке, обращение ко Христу, Свету мира.

Затем крещаемый исповедует верность Христу.

И глаголет ему священник:

Сочетдкйешн ли ся Христу?

И отвещает оглашенный, или восприемник, глаголя:

— Сочетаваюся.

(Этот вопрос и ответ повторяются трижды).

«...Сочетаешься ли со Христом...». Здесь употреблено греческое слово *συνωρισ*, означающее *связь, принадлежность, сочетание* и прямо противоположное слову *ουβ<паο"1^*, буквальное значение которого *отпадение, разрыв*. Это исповедание личной верности Христу при вступлении в ряды тех, кто служит Христу, клятва, подобная солдатской присяге¹⁷.

Тоже паки глаголет ему священник: :

Сочетался ли еси Христу?

И отвещает:

Сочетайся.

И веруешь ли бллу?

верую блиу, яко ЦАрю и Богу.

Это решение и эта присяга принимаются раз и навсегда, они не подлежат пересмотру или переоценке в зависимости от обстоятельств, ибо «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Бо-жия» (Лк. 9, 62). Об этом свидетельствует переход от глагола настоящего времени несовершенного вида «сочетаваюся» к глаголу прошедшего времени совершенного вида «сочетался».

Такое решение христиане называют верой. Слово это (·п.[ο"пс; по-гречески, *fides* по-латински) имеет более глубокий смысл, нежели то, которое придают ему люди сегодня, —

согласие разума с набором правил и предписаний. Прежде всего оно означает *доверие*, безусловную преданность, полную отдачу себя тому, кому должно повиноваться и за кем должно следовать, что бы ни случилось.

Крещаемый исповедует свою веру во Христа *как Царя и Бога*. Эти именованья имеют не одно и то же значение. Веровать во Христа как в Бога недостаточно, т. к. «и бесы веруют» (Иак. 2, 19). Принять Его как Царя или как Господа означает стремление и решимость следовать за Ним, посвятить всю свою жизнь служению Ему, жить в соответствии с Его заповедями. Вот почему раннехристианское исповедание Христа было исповеданием и провозглашением Его Господом, по-гречески *KVQIOC*;

6. Исповедание веры

И он читает Символ веры.

Речь идет о Никео-Цареградском Символе веры, принятом на I Вселенском Соборе в Никее (325), дополненном на II Вселенском Соборе в Константинополе (381) и с тех пор служащем общим выражением веры Православной Церкви. Однако стоит отметить, что *символы веры* возникли и вначале использовались как краткое изложение наставлений, которые готовящиеся ко крещению получали ежедневно в течение семи недель, предшествовавших пасхальному совершению крещения¹⁸. Одной из наиболее важных составных частей этих наставлений являлось объяснение христианского учения и *тайноводство*, т. е. объяснение литургических таинств.

Эта *traditio symboli*! (передача символа) — объяснение основ церковной веры и жизни новообращенным — начиналась в первые дни Великого Поста и заканчивалась в Страстную Пятницу, после отречения от сатаны и сочетания Христу, торжественным чтением самим новообращенным Символа веры — *redditio symboli*! (возвращение символа)¹⁹ как выражения уже его собственной веры. То, что ему дала Церковь, он теперь возвращает Церкви, к которой он собирается присоединиться. Теперь знание о *Христе* должно стать знанием *Христа*: истина, хранящаяся Церковью в ее Предании, должна стать верой и жизнью ее нового члена. Именно по этой причине и в наше время, когда все собрание поет Символ веры, каждый произносит «Верую», а не «Веруем...». Церковь — это тело, организм, но организм, состоящий из отдельных личностей. Каждому дана вера во всей ее полноте, и каждый ответственен за всю полноту ее. Все в этой общей и неизменной вере должно быть принято лично; только тогда вера станет силой, преобразующей жизнь.

И егда исполнит Святыи Символ, и глаголет паки к нему:

Сочетался ли еси Христу?

И отвещает:

СочетА^ся.

(Этот вопрос и ответ повторяются трижды). **И поклоннися вму.**

И поклоняется, глаголя:

Поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной.

Отречение от сатаны было «скреплено» тем, что крещаемый дунул и плюнул на него. Наша преданность Христу скрепляется теперь поклонением Святой Троице. Поклонение — древний и универсальный символ благоговения, любви и послушания. Сегодня нас учат, что достоинство и свобода человека состоят именно в том, чтобы *не* склоняться ни перед кем и ни перед чем, чтобы постоянно утверждать себя как единственного хозяина своей жизни. Но как ничтожны, как мелки эти «достоинство» и «свобода»!

«Благословен Бог, — возвещает священник, — всем человеком хотяй спастися, и в познание истины прийти...» — и в заключительной молитве обращается к Богу со следующими прошениями:

владыко Господи Боже ндш, призиви рклк Твоего ко Святому Твоему просвещению, и спо-доби его великия сея благодати, Святлго Твоего Крещения: отрешаи его ветхость, и обнови его в живот вечный, и исполни его Святлго

Твоего Ду-^л силы, в соединении Хрнстл Твоего; да не к тому чддо тела Будет, но чадо Твоего Царствия, БЛАГОВОЛЕНЕМ и БЛАГОДАТИЮ вДИНОРОДНЛ-ГО Твоего сына: с Нимже Благословен еси, со Пресвятым, и БЛАГИМ и Животворящим Твоим Дулом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Глава 2 КРЕЩЕНИЕ

1. Таинство воды

В наших богослужебных книгах чинопоследованию крещения предшествует следующее указание:

Входит священник, и облачается в священническую одежду белую и нарукавницы, и вжигает нѣтъ всем свежцам, берет кадильницу, отходит к купели, и кадит окрест, и отдав кадильницу, поклоняется.

Мало кто в наше время знает, что приведенное краткое описание — это все, что осталось от величайшего из торжеств ранней Церкви — пасхального совершения крещения и крещального празднования Пасхи 1. Мы снова обращаем на это внимание, потому что хотя и невозможно, по-видимому, вновь ввести крещение в Пасху, связь между крещением и Пасхой, пасхальный характер крещения остаются ключом к пониманию не только крещения, но и всей полноты самой христианской веры. Приведенная выдержка напоминает нам, что этот пасхальный характер крещального богослужения должен быть сохранен. Это означает, прежде всего, совершение крещения Церковью, т. е. при участии народа Божьего, как события, в котором Церковь сознает себя *переходом* — Пасхой — из мира сего в Царство Божие, соучастницей решающих событий смерти и воскресения Христовых.

И в свете этой существенной функции крещения — постоянного *обновления* Церкви — какими неполноценными и литургически неправильными оказываются наши краткие, «частные» крестины, лишенные всякой торжественности, совершаемые в отсутствие Церкви, сведенные к минимуму.

Крещение начинается с торжественного *освящения воды*.

В некоторых храмах даже отсутствуют крещальные купели; крещение совершают, окропив младенца несколькими каплями святой воды, считая это необходимым и достаточным. Десять минут — и вы уже христианин, член Тела Христова, освященный сосуд Святого Духа, «согражданин» святых. Последнее, что остается сделать, — это выдать свидетельство о крещении.

Вода, безусловно, является одним из древнейших и всеобщих религиозных символов². С христианской точки зрения, представляются важными три основных аспекта ее символики. Первый аспект может быть назван *космическим*. Без воды не может быть жизни, и поэтому первобытный человек отождествляет воду с принципом жизни, видит в ней *prima essentia* (первичную субстанцию) мира: «...и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2). Но если вода изображает и символизирует мир как космос и жизнь, то она также является символом разрушения и смерти. Она заключает в себе таинственную глубину, которая убивает и уничтожает, она есть темное обиталище демонических сил, образ иррационального, неуправляемого, изначального в мире. Основа жизни, животворящая сила — и основа смерти, сила разрушительная: таков двойственный образ воды в религиозном мировоззрении человека. И наконец, вода — это символ очищения, чистоты и поэтому возрождения и обновления. Она смывает пятна, она восстанавливает первоначальную чистоту земли.

2. Освящение воды⁵

Освящение воды начинается с торжественного возгласа: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь». В настоящее время из всех церковных служб только три — крещение, венчание и евхаристия — начинаются с этого возгласа. Все другие службы начинаются словами «Благословен Бог наш». Это славословие есть нечто большее, чем просто краткая формула. Оно напоминает нам о том, что в прошлом таинства крещения и брака не только совершались во время евхаристического собрания Церкви, но что евхаристия была их естественным «концом» и завершением. Об этой

органической связи мы скажем ниже. Но уже сейчас мы должны подчеркнуть, что эти слова провозглашают Царство Божие как тему, содержание и конечную цель крещения.

Таким образом, таинство есть переход, путь; начальное славословие раскрывает и объявляет его конечное назначение: Царство Божие.

К следующей после начального возгласа великой ектений добавляются особые прошения:

0 еже оскятнтнся воде ей, силою н действием, н нлитнем Овятлго духа...

3. Молитва священника о себе

Теперь священник молится о себе:

**БллгоутрОБный н мнлостнкый Боже, нстязуяй сердцл н утроБы, н тайная
человеческАя ведый един, не бо есть вещь неявленл пред тобою, но
ВСЯ НАГА Н ОБНАЖЕННА ПрСД ОЧНМА тьонма: БСДЫЙ**

яже о мне, да не омерзншн мя, ниже лица Твоего отБратншн от мене: но презри моя прегрешения Б час сей, презирАяй человекoв гре\н Б покаянно, н омый мою скверну телесную н скверну душевную, н всего мя освяти всесовершенною силою Твоею невидимую, н десницею духовною, да не свободу иным возвсщай, н сию подавляй верою совершенною, Твоего нензреченндо человеко-любня, сам, яко рдв грб)(А, неискусен Буду. Ни, владыко, еднне влагнй и человеколюбивый, да не возврщуся смирен: но ннзпослн мне силу с высоты н укрепи мя к служБе предлежАщдго Твоего таинства, Бсликаго н преневесилго, н вообрази Христл Твоего в хотящем паки родится, моим окаянством, н назндай его на основании апостол н Пророк Твоих, н да не низложиши: но насади его наСАжденне истины во Святей Твоей соворней н Апостольстей Церкви, н да не восторгнешн: яко да преуспевАЮщу ему во влдгочестни, слабится н тем всесвятое имя Твое...

Эта молитва важна, потому что она показывает ошибочность широко распространенного среди православных понимания таинства как чего-то магического, духовные опасности и последствия которого часто недооцениваются. Поскольку, согласно учению Церкви, *действенность* таинств ни в коем случае не зависит ни от святости, ни от греховности тех, кто их совершает, - можно незаметно прийти к тому, чтобы рассматривать таинства исключительно с точки зрения их «действенности», как будто ничто другое не имеет значения. Однако суть дела состоит в том, что Церковь не отделяет действенность от полноты и свершения. Действенность — это только условие для исполнения, а именно последнее и является единственно существенным.

Если миллионы людей, крещенных «действенным» образом, оставили Церковь и продолжают оставлять ее, если крещение не оказало на них никакого воздействия, не являемся ли *причиной* этого, прежде всего, *мы*, наша слабость, греховность, наш минимализм и номинализм, наше собственное постоянное предательство по отношению к крещению? Не является ли причиной этого низкий уровень церковной жизни, сведенной к нескольким «обязанностям» и, таким образом, переставшей отражать и сообщать силу обновления и святости? Конечно, все эти упреки прежде всего относятся к духовному лицу, к священнику, к тому, кто совершает церковные таинства. Если он сам не является образом Христа «по словам, по поступкам, по учению» (1 Тим. 4, 12), то где же человек сможет увидеть Христа и как он должен следовать Ему? Таким образом, сводить таинства только к их действенности значит выхолащивать учение Христа.

Ибо Христос пришел в мир сей не для того, чтобы мы могли совершать действенные таинства; Он дал нам действенные таинства, чтобы мы могли стать детьми света и свидетелями Его Царства.

Молитва священника о себе напоминает нам об этой страшной ответственности, о нашей всеобщей зависимости друг от друга в том, что касается духовного роста и

исполнения. Она показывает, что крещение — не самоцель, а начало процесса, в котором решающую роль должна сыграть вся община и в особенности пастырь. Это процесс воссоздания образа Христова в новокрещенном, назидания его на основании, заложенном апостолами и пророками, т. е. на основании христианского учения, оказания ему помощи для того, чтобы он не был низложен, но преуспевал в благочестии.

Мы уже знаем, что в прошлом к крещению готовился не один только новообращенный, но и вся Церковь вместе с ним. Ибо она знала, что, принимая нового члена, она берет на себя ответственность за его вечное спасение. Именно об этой ответственности мы и слышим в начале совершения таинства.

4. «И покажи воду сию...»

Теперь мы готовы. И священник, стоящий перед водой, стоит как бы перед лицом всего мира в день творения, как первый человек, открывающий глаза на славу Божию и созерцающий все, что Бог сотворил во Христе для нашего искупления и спасения, и провозглашает

Велнь есн, Господи, и чудил деда Твоя, н мм едино же слово довольно Будет к пеню чудес Твоих.

Эта молитва благословения и освящения воды может быть названа *евхаристической молитвой*⁶. Это торжественный акт хвалы и благодарения, акт поклонения, которым от имени всего мира человек отвечает Богу. Именно благодарение и поклонение возвращают нас к самому каналу, действительно делают нас свидетелями творения. Ибо благодарение есть поистине первый акт, которым человек осуществляет свое назначение. Тот, кто благодарит, уже не раб; в поклонении

нет места страху, тревоге, зависти. Вознося благодарение Богу, человек снова становится свободным по отношению к Богу, свободным по отношению к миру.

Ты во хотением от не сущих^{во бже} еытн прнведеын всяческаая, Твоею державою содержншн тварь, н Тконм промыслом строишн мир: Ты от четырех стихий тварь сочиннкый, четырьми вре-мены круг лета венчал есн. Теке трепещут ум-ная вся силы, Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды, Тебе слушает свет, Тебе трепещут Бездны, Тебе РАБОТАЮТ источннцы. Ты простерл есн нево яко кожу, Ты утвердил еси землю нд кодах, Ты оградил есн море песком. Ты ко отдыхдннем воздух пролнял есн. Лмгельскня силы Тебе служат: Лрхангельс-тнн лнцы Тебе кланяются: мкогоочнтнн Херувимы н шестокрнлАтнн СерАфнмн окрест стояще, н овлетдюще, страхом непрнступная славы Тво-ея покрываються...

Это — вступление, подобное тому, с которого начинается евхаристическая молитва над хлебом и вином. Это предисловие, *praefatio*, т. е., буквально, «основание», «начало», делающее возможным все последующее. И действительно, именно это благодарение вновь возносит нас в рай, ибо оно восстанавливает в нас сам принцип и сущность нашего бытия, нашей жизни, нашего знания.

И священник продолжает:

Ты во Бог сын неопнсднный, вездчдльный же н нензглАголднный, пришел есн нд землю, зрдк РАБА принм, б подобии человечестем выв: не ко терпел есн, Влддыко, милосердия рлдн милости Твоя, зретн от дидволд мучнмд родд человекд, эншел есн н спдсл есн ндс. Исповедуем влдго-ь, проповедуем милость, не таим влдгдедеяестества НАШСГО роды СВОБОДНА есн, дев-^нную освятил еси утрову рождеством Тво-вся твдрь воспеваеТя явльшдгося. Ты во ндш нд земли явился есн, и с человекн пожил Ты Иордднскаия струн освятил есн, с невесб юславын Овятдго Твоего Дух*, н главы тдмо ;дящиуса сокрушил есн змиев...

)т *предисловия* мы переходим к *анамнезу* — оминанию о спасительных событиях, при пода которых Бог восстановил человеческую)оду, спас мир и явил Свое Царство. Человек

ялся от жизни в том виде, в каком она была л ему Богом, и своим падением вверг все тво-ея под гнет дьявола, в разрушение и смерть. т сменился тьмою. Но Бог не забыл человека, ище Христа Он Сам сошел, чтобы спасти, вос-¹ овить и воссоздать его. Это событие — Воп-ление Бога, — навсегда вошедшее в *память* овека, и память об этом событии, т. е. знание ринятие Христа, вера в Него, единение с Ним (*МБ* спасение. Мы спасаемся, исповедуя Его годать, проповедуя Его милость, не тая Его годаяния, т. е., другими словами, делая всю ю жизнь ответом Христу. В ответе человека творение еще раз становится славой Бога, собом Его проявления, Его *явлением*. Воды дарения, замутненные и оскверненные грехопадением, ставшие символом смерти и дьявольского разрушения, теперь открываются как «струи Иорданские», как начало воссоздания и спасения. Святой Дух, Податель жизни, «носившийся над зодами» в начале, снова нисходит на них; и вода — а через нее и весь мир — оказывается снова тем, чем ей предназначено быть: жизнью человека в единении с Богом. Снова наступает время спасения, и мы являемся свидетелями и соучастниками этого начала и благодарим Бога за это.

Сама сущность и функция Церкви — всегда и везде являть и исполнять это *начало*, воссоздавать — во Христе и Святом Духе — человека, воссоздавая — во Христе и Святом Духе — мир для него.

**Ты уво, челокеколМБче Царю, приндн к ныне наитием святого Твоего Дул,
п освяти воду сию. И даждь ей благодать извакленна, Благословение
ИорДаново: сотвори ю нетления источник, освящения ддр, грелок разрешение,
недугов исцеление, демонов всегувительство, сопротив-ным силам
неприступну, Ангельскня крепости нс-полнену. да вежАт от нея нАветующн
созданию Твоему: яко имя Твое, Господи, призвав, дивное н слАвное, и
стрАшное сопротнвным.**

После *анамнеза* наступает *эпikleза* — призы-вание Духа Святого, Который один наполняет силой и реальностью то, о чем мы просим и на что надеемся, Который исполняет нашу веру, реализует наши символы, дает «благодать на благодать», делает воду тем, что Он Сам о ней являет⁷.

*И знаменует воду трижды, погружая персты в воде, и дунув на ню, глаголет:
да сокрушатся под знамением овраза Креста Твоего вся сопротмвныя
силы (трижды).*

Мы знаем уже, что спасение и восстановление начинаются с акта *освобождения*, т. е. с изгнания нечистых духов. Сначала изгонялись злые духи из крещаемого. Теперь изгоняются духи из вода — символа зависимости человека от мира и то рабства дьявольским силам⁸:

**Молимся Тебе, Господи, да отступят от нас •>ся воздушная н неявленная
привидения: н да не (таится б воде сей демон темный, ниже да снимет с
крещдющнмся дул лукавый, помрачение юмыслов н мятеж мысли ндводян.**

Нет, эти слова не просто следы архаической лифологии. В соответствии с христианским ми-ювоззрением, *материя никогда не бывает нейтральной*. Если она не «соотносится» с Богом, т. е. не рассматривается и не используется как средство общения с Богом, как способ жизни в Нем, она становится носителем и *обиталищем* дьявольских сил.

Только во Христе и Его властью материя может быть *освобождена* и снова может стать символом Божией славы и присутствия, таинством Его действия и соединения с человеком.

И наконец совершается *освящение*:

**Но Ты, владыко всех, покажи воду сию воду избавления, воду освящения,
очищение плоти и духа, ослабу уз, оставление прегрешений, просвещение душ,
баню пакибытия, обновление духа, сыноположения дарование, одеяние
нетления, источник жизни. Ты бо рекл еси, Господи: нзмыйтеся, и чисти
Будете, отымите лукавства от душ ваших. Ты даровал еси нам свыше паки
рождение водою и духом...**

«...Покажи воду сию...» Будь то освящение воды или хлеба и вина, оно ни в коем случае не является видимым, «физическим» чудом, превращением, которое можно проверить и

доказать осязаемым образом. Можно даже сказать, что в мире сем, т. е. по его правилам и объективным законам, с водой, хлебом и вином ничего не происходит, и никакие лабораторные анализы не могут обнаружить какого-либо изменения в них, так что ожидание этих изменений, поиски их всегда рассматривались Церковью как богохульство и грех. Христос пришел не для того, чтобы *заменить* естественную материю какой-то сверхъестественной и освященной материей, Он пришел *восстановить* и исполнить ее как способ единения с Богом. Святая вода в крещении, хлеб и вино в Евхаристии *представляют* все творение, но то творение, каким оно станет в *конце*, когда оно будет завершено в Боге, когда Он наполнит Собою все. Именно этот конец открывается, приближается, делается уже реальным для нас в таинстве; и в этом смысле каждое таинство позволяет нам *осуществить переход* в Царство Божие.

Явнся, Господи, на воде сей, и даждь претворитнся в нем крещлемому во еже отложити уво встхаго человека, тлеемаго по похотем прелести, овлещися же в новаго, обновлясмаго по овлрзу Создавшего его, да выв срлслен подобию смерти Твоя крещением, общнкн н воскресения Будет, н сохранив да? святаго Твоего духа) и возрадив ЗАЛОГ БЛАГОДАТИ, Прннмст ПОЧССТЬ ГорНЯГО звания, н сопрнчтется перворожденным написанным на некесн, б Теке Еозе н Господе нашем Иисусе Христе. Яко Теке подоБАет слава, дер-жаба, честь н поклонение вкпе со бсзначальным Твоим Фтцем, н со Пресвятым, н Благим, н Животворящим Твоим Духом, ныне н присно, и во веки веков. Лминь.

Таково значение освящения воды при крещении. Это воссоздание материи и, тем самым, всего мира во Христе. Это дар этого мира человеку. Это дар мира как единения с Богом, как жизни, спасения и обожения.

5. Елей радования

Мир всем, — говорит священник. — главы ВАША Господевн приклоните. И вдунет трижды в сосуд елея, и знаменает трижды сей, держимый от диакона.

После того как вода освящена, она помазывается елеем. Так же, как и вода, елей всегда был одним из основных религиозных символов⁹, и его символический смысл, как и в случае воды, следует из его практического значения и употребления. В древнем мире елей, прежде всего, употреблялся как *лечебное* средство. Милосердный самарянин, согласно евангельскому повествованию, возлил елей и вино на раны человека, которого он нашел на дороге. Елей был также источником света и, следовательно, *радости*. И сейчас наиболее торжественная и радостная часть праздничного вечернего богослужения называется *полиелеем*. Последнее слово связано как с греческим словом *ελεος*; — «милость», встречающимся много раз в Псалме 135, так и с освещением церкви «многим елеем» (*Σλαίς* — «масло»). И наконец, елей, символизирующий исцеление, свет и радость, был знаком примирения и согласия: в ознаменование прощения и примирения Бога с человеком после Потопа голубь принес Ною масличную ветвь. Эта естественная символика, связанная с елеем, определила с самого начала его использование в литургической жизни Церкви.

В предшествующем крещению помазании елеем воды и тела крещаемого елей служит, прежде всего, символом жизни, но жизни не просто как существования, но как полноты, радости и участия в той таинственной и невыразимой сущности жизни, которую мы ощущаем в минуты счастья и ликования, жизни, о которой говорит Библия, когда она называет ее даром Святого Духа, Подателя Жизни: жизни как «света человеков», жизни не как синонима, а как самого *содержания* существования; короче говоря, жизни как участия в самой Божественной жизни.

И снова совершается то же последование, что и при освящении воды. Сначала происходит изгнание дьявольских сил из елея, его «освобождение», восстановление его истинного назначения, открывающегося в его символической значимости: таково значение дуновения на него и троекратного осенения его крестным знаменем. Затем следует *анамнез* — воспоминание о

значении елея в истории спасения — и *благодарение*: Мы благодарим Бога за елей и тем самым мы претворяем его в то, чем Бог его сотворил: в дар исцеления, мира, духовной силы и жизни.

владыко Господи Боже отец наших, сущим к ковчезе Ноеве голукнцу послабын, сучец масличный имущую во устех, примирения злмение, спАсенме же от потопа, и БЛАГОДАТИ ТАИНСТВО ОНЫМИ ПРЕДОБРАЗНВЫЙ, н масличный плод во исполнение Святыя Твоих тайн подабый: тем н Бывшие в законс Дух⁴ Овятдго нсполннвый, н Су-ЩИХ Б БЛАГОДАТИ СОБСрШАЯЙ: ГАМ БЛАГОСЛОВИ И ей елей силою н действием, н нлнтнем Святлго Твоего духа, якоже быти тому помазанию нетления, оружию прАвды, овленню души н телд, БСЯКАГО ДНАВОЛЬСКДГО ДСЙСТВА ОТГНАННЮ, ВО НЗМСненне всех зол, помдзующнмся верою, или вкушд-ющим от него Б сллву Твою, н бдинородндго Твоего сына, и Пресвятдго, н БЛАГАГО, м Живот-ворящАго Твоего Духл, ныне н присно, н во веки веков. Аминь.

И наконец само помазание:

Священник, поя Аллилуйя трижды, с людьми, творит кресты три елеем в воде.

Вновь творение Божие стало полным и совершенным. И тут наступает момент, когда все «взрывается» радостью и благодарением, несет свидетельство Божией славы, являет Его присутствие и силу. Эта полнота не поддается объяснению или определению; можно только благодарить за нее и превозносить ее в возгласе радости, каковым и является «Аллилуйя!» Новое творение находится здесь, присутствует в этой крещальной купели, готовое быть для человека даром новой жизни, света и силы. «Благословен Бог, — возглашает священник, — просвещаяй и освящаи всякаго человека, *грядущаго в мир*, ныне и присно, и во веки веков». И лик отвечает этому удивительному возгласу торжественным подтверждением: Аминь!

И приносится крещаемый. Священник же взял-лет от елея два персты, и творит креста образ на челе и персех, и на междорамии, глаголя: Помдзуется РАЕ Божмй (имярек), елеем рддоБАННЯ, ВО ИМЯ отца, И сына, Н ОВЯТДГО духа, дмннь.

И назнаменует его перси, и междорамия. На персех убq глаголя: fio исцеление души н телд.

На ушесех же: Si слышдмне веры.

На руках: Руце Твои сотвориште мя, н созддс-те мя.

На ногах: fio еже хвД"™ ему по стопам здпо-ведей Твоих.

Это *воссоздание человека*: его тела, каждого его члена, его органов чувств. Грех затмил в человеке образ и неизреченную славу Божию. Человек потерял свою духовную красоту; он разрушил образ Божий и должен быть восстановлен, должен обрести свой первоначальный облик. Крещение касается не только души, оно относится ко всему человеку. Крещение есть, прежде всего, восстановление человека в его *целостности*, примирение души и тела. «Елей радования»: одним и тем же елеем по-мазуются вода и тело человека для примирения с Богом и—в Боге — с миром. Тот же самый Дух:

та же жизнь, разрушение всех ложных раздвоен-ностей и псевдодуховностей, возвращение к извечной тайне творения. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1, 31)¹⁰.

6. «Форма» и «сущность»

Таким образом, благодать крещения воспринималась как именно такое событие: человек умирает и воскресает «в подобие» и «по образу» смерти и воскресения Христа; человеку дается дар не «чего-то», что является следствием этих событий, но дар единственной и абсолютно новой возможности: истинно умереть со Христом и истинно воскреснуть с ним, дабы «ходить в обновленной жизни».

Однако постепенно такое понимание благодати стало изменяться. Коль скоро различие между формой и сущностью (между таинством как «средством получения благодати» и самой благодатью) стало восприниматься как естественное и самоочевидное, сущность перестала пониматься как собственно исполнение и реализация «средства», как видимость невидимого. Ее стали истолковывать, определять и анализировать как «сущность в себе», как нечто, даваемое и получаемое посредством всевозможных способов, но в то же время отличное от них¹³. Христианский Запад, где возник и получил развитие этот подход, довел его до логического завершения: как известно, в конечном счете он определил благодать как *сотворенную* энергию, отличную, таким образом, как от Бога, так и от мира, назначение которой все же состоит в обеспечении предписанной связи между ними. Что же касается православного Востока, то он, отвергая учение о «тварной благодати», считая его западной ересью и тем самым сохраняя доктринальное православие, во всех практических действиях принял тот же подход в своем собственном, глубоко озападнившемся, литургическом богословии. Здесь абстрактная «благодать» тоже подменила конкретное «событие», став фокусом богословских объяснений таинств, оставив их форме столь же абстрактную функцию обеспечения действенности.

7. «Подобием смерти и воскресения Христа»

Но современный человек не понимает, что то, к чему он стал слеп и глух, является фундаментальным христианским видением смерти, при котором биологическая или физическая смерть не есть *полная* смерть, ни даже ее основная сущность. Ибо в христианском понимании смерть есть, прежде всего, *духовная реальность*, к которой можно быть причастным и будучи живым и от которой можно быть свободным даже лежа в могиле. Смерть — *это отделенность человека от жизни*, т. е. от Бога, Который есть единственный податель Жизни, Который Сам есть Жизнь. Смерть противоположна не бессмертию — ибо как человек не создал себя сам, так он не имеет власти и уничтожить себя, вернуться в то *ничто*, из которого он был вызван к существованию Богом, и в этом смысле он бессмертен, — а истинной Жизни, которая была «свет человеков» (Ин. 1, 4). Вот от этой истинной жизни человек волен отказаться и, таким образом, умереть, так что самое его «бессмертие» станет вечной смертью. Эту жизнь он отверг. Это и есть *первородный грех*, первоначальная вселенская катастрофа, о которой мы знаем не из истории, не разумом, а посредством того религиозного чувства, той таинственной внутренней веры, присущей человеку, которую не может разрушить никакой грех, которая всегда и везде вызывает в нем жажду спасения.

Таким образом, *полная* смерть представляет собой не биологический феномен, а духовную реальность, чье «жалю... есть грех» (1 Кор. 15, 56), — отвержение человеком единственно истинной жизни, данной ему Богом. «Грех вошел в мир, и грехом смерть» (Рим. 5, 12): нет другой жизни, кроме жизни в Боге; тот, кто отвергает ее, *умирает*, потому что жизнь без Бога и есть *смерть*. Это духовная смерть, которая наполняет всю человеческую жизнь умиранием и, будучи отдаленностью от Бога, превращает ее в одиночество и страдание, наполняет страхом и иллюзиями, отдаст человека в рабство греху и злобе, похоти и пустоте. Именно духовная смерть делает физическую смерть человека истинной смертью, конечным плодом его наполненной смертью жизни, ужасом библейского «шеола», где само выживание, само «бессмертие» есть не что иное как «присутствие отсутствия», полная отделенность, полное одиночество, полная тьма. И до тех пор, пока мы не восстановим христианское видение и «чувство» смерти, смерти как ужасного и греховного закона и содержания нашей жизни (а не только нашей «смерти»), смерти «царствующей» *в мире сем* (Рим. 5, 14), мы будем не в состоянии понять значение Христовой смерти для нас и для мира. Ибо Христос пришел разрушить и уничтожить именно духовную смерть; Он пришел спасти нас от нее.

Только теперь, когда все это сказано, мы можем постигнуть решающее значение *добровольной* смерти Христа, Его *желания* умереть. Человек умер, потому что он *возжелал* жизни для себя и в себе, потому что, другими словами, он *возлюбил себя* и свою жизнь

больше, чем Бога, потому что он предпочел Богу нечто иное. Его желание есть истинное содержание греха, и поэтому — действительный корень его духовной смерти, ее «жало». Но жизнь Христа целиком и полностью соткана из Его *желания* спасти человека, освободить его от смерти, в которую он сам превратил свою жизнь, вернуть его к той жизни, которую он утратил в грехе. Его желание спасти — это проявление той совершенной *любви* к Богу и человеку, того полного послушания Божией воле, отказ от которых привел человека к греху и смерти. И, таким образом, вся жизнь Христа истинно бессмертна. В ней нет смерти, потому что в ней нет желания иметь что-либо, кроме Бога, потому что вся Его жизнь — в Боге и в любви к Нему. И поскольку Его желание умереть есть не что иное, как конечное выражение и исполнение Его любви и послушания, а Его смерть есть не что иное, как любовь и желание разрушить одиночество человека, его отделенность от жизни, тьму и отчаяние смерти, поскольку она есть любовь к тем, кто смертей, — в *Его смерти* — «смерти» нет. Его смерть, будучи высшим проявлением любви как жизни и жизни как любви, отнимает у смерти ее жало греха и поистине разрушает смерть как воплощение власти сатаны и греха над миром.

Он не уничтожает и не разрушает физическую смерть, поскольку Он не уничтожает *этот мир*, частью которого она является и в котором выступает принципом жизни и даже роста. Но Он делает несравненно больше. Отняв жало греха у смерти, уничтожив смерть как духовную реальность, наполнив ее Собой, Своей любовью и жизнью, Он превращает ее, бывшую самой реальностью отчуждения и извращения жизни, в сияющий и радостный «переход» — Пасху — в более насыщенную жизнь, в более крепкое единение, в более сильную любовь. «Ибо для меня жизнь — Христос, — говорит апостол Павел, — и смерть — приобретение» (Фил. 1, 21). Он говорит здесь не о бессмертии своей души, но о совершенно новом значении и силе смерти — смерти как сопребывания со Христом, смерти, ставшей — в этом смертном мире — знаком и силой победы Христа. Для тех, кто верует во Христа и живет в Нем, «смерти больше нет», «поглощена смерть победою» (1 Кор. 15, 54) и в каждом гробе заключена ныне не смерть, а жизнь.

Теперь мы можем вернуться к крещению и поставленному нами вопросу: почему крещение совершается в *подобие* смерти и воскресения Христа и каково истинное значение этого подобию? Ибо только теперь мы можем понять, что *подобие* — прежде чем оно исполнится в обряде—в *нас самих*: в нашей вере во Христа, в нашей любви к Нему и поэтому в нашем желании того же, чего желал Он. Веровать во Христа означает и всегда означало не только *признавать* Его, не только *получать* от Него, но, прежде всего, *отдаться* Ему. Невозможно веровать в Него и не принять Его веру как свою веру, Его любовь как свою любовь, Его волю как свою волю. Ибо нет Христа вне этой веры, любви и воли; только через них мы можем познать Его, ибо Он и есть эта вера и послушание, любовь и воля. Веровать в Него и не веровать в то, во что веровал Он, не любить того, что любил Он, не желать того, чего желал Он, — значит не веровать в Него. Отделять Его от содержания Его жизни, ожидать чудес и помощи от Него, не делая того, что делал Он, называть Его Господом и преклоняться перед Ним, не выполняя воли Его Отца, — значит не веровать в Него. Мы спасены не потому, что веруем в Его сверхъестественную власть — не такой веры хочет Он от нас, — а потому, что мы принимаем всем нашим существом и делаем своей ту *волю*, которая наполняет Его жизнь, которая и *есть* Его жизнь и которая, в конечном счете, заставляет Его погрузиться в смерть, чтобы уничтожить ее.

Желание такого исполнения и осуществления нашей веры, которое поистине может быть названо и испытано как *смерть и воскресение*, и есть, таким образом, самый первый плод веры и ее «действия», ее *подобия* вере Христовой. Действительно, невозможно знать Христа, не желая радикального освобождения от этого мира, о котором Христос сказал, что он в рабстве у греха и смерти, по отношению к которому, живя в нем, Он Сам был *мертв*: мертв по отношению к его самодостаточности, к «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской» (1 Ин. 2, 16), заполняющей и определяющей его; мертв по отношению к духовной смерти, царящей в нем. Невозможно знать Христа, не желая быть с Ним. Но Он находится не в мире сем, образ которого проходит. Он не является его частью. Он взшел на *небеса*, а не в какой-либо «иной мир», ибо небеса — в христианской вере — это не нечто

внешне, а сама реальность жизни в Боге, жизни, полностью свободной от смертной греховности и греховной смертности, от той отделенное™ от Бога, которая есть *грех* мира сего и обрекает его на смерть. Быть со Христом — значит иметь эту новую жизнь — с Богом и в Боге, — которая «не от мира сего». Но это невозможно, если к нам неприменимы слова апостола Павла, слова столь простые и в то же время столь непостижимые для современного христианина: «вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3, 3). Наконец, невозможно знать Христа и не желать испить ту чашу, которую испил Он, и креститься тем крещением, которым крещен Он (Мф. 20, 22): другими словами, не желать той последней встречи и сражения с грехом и смертью, которые побудили Его «положить свою жизнь» за спасение мира.

Таким образом, вера сама не только приводит нас к желанию умереть со Христом, но, в действительности, *есть* само это желание. А без этого вера — всего лишь «идеология», столь же сомнительная и столь же условная, как и любая другая идеология. Именно вера внутри нас *желает* крещения. Именно вера *знает*, что оно есть истинное умирание и истинное воскресение со Христом.

8. Крещение

Само же таинство в точности состоит в следующем: решающий акт веры и Божественный отклик на него, исполнение одного другим. Вера, выраженная в виде желания, делает таинство возможным, так как без веры оно носило бы магический характер — было бы внешним и произвольным актом, нарушающим человеческую свободу. Но только Бог, отвечая на веру, реализует эту возможность, делает ее именно тем, чего желает вера: смертью и воскресением со Христом. Только по свободной и полновластной Божией благодати мы знаем, говоря словами св. Григория Нисского, что «эта вода есть истинно для нас и гроб, и мать...».

Здесь можно предвидеть одно возражение. Возникает вопрос, как же все это может быть применено к крещению младенцев, у которых, очевидно, нет ни личной сознательной веры, ни личного желания? На самом деле, это возражение лишь помогает нам, т. к., отвечая на него, мы сможем выразить высшее значение и глубину таинства крещения. Прежде всего, этот вопрос следует связывать не только с крещением детей, а распространить и на каждое крещение. Если бы то, что мы только что сказали о вере и желании, было понято как допущение, что истинность и действенность крещения *зависят* от личной веры, находятся во власти сознательного желания индивидуума, тогда действенность каждого крещения, будь то младенца или взрослого, следовало бы поставить под вопрос. Ибо кому дано измерить веру, кому дано выносить суждение о степени понимания и желания в ней?

Если православная Церковь оставалась в стороне от длительной дискуссии, имевшей место на Западе о том, что предпочтительнее — крещение младенцев или взрослых, то именно потому, что она, прежде всего, никогда не принимала сведения веры только к личной вере, из чего неизбежно вытекала подобная дискуссия. С православной точки зрения, существенный вопрос о вере в ее связи с таинством должен звучать так: *какая* вера, и даже более точно, *чья* вера? И равно существенный ответ на этот вопрос гласит *Христова вера*, данная нам, становящаяся нашей верой и нашим желанием, вера, посредством которой, по словам апостола Павла, можно «вселиться Христу в сердца» наши, чтобы мы, «укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота» (Еф. 3, 17—18). Есть некоторая разница—не только в степени, но и в сущности — между верой, *обращающей* неверующего или нехристианина ко Христу, и верой, составляющей саму жизнь Церкви и ее членов, которую апостол Павел определяет как наличие в нас Христова разума, т. е. 'Его веры, Его любви, Его желания. И та, и другая вера — Божий дар. Но первая — это *ответ* на призыв, в то время как вторая — сама *реальность* того, к чему этот призыв влечет.

И Церковь есть жизнь, потому что она есть жизнь Христа в нас, потому что она верует в то, во что Он верует, любит то, что Он любит, желает того, чего Он желает. И Он не только

«объект» ее веры, но и «субъект» всей ее жизни.

Поэтому именно вера Церкви или, лучше сказать, Церковь как Христова вера и жизнь и делает крещение и возможным и реальным нашим участием в Христовой смерти и в Его воскресении. Таким образом, если крещение от чего-то и зависит, то только от веры Церкви; именно по -вере Церкви крещение становится тем, что оно есть — «гробом» и «матерью».

Все это очевидным образом проявляется в традиционной крещальной практике Церкви. С одной стороны, она не только допускает к крещению новорожденных младенцев (т. е. тех, у кого не может быть личной веры), она даже советует крестить младенцев. Но, с другой стороны, она крестит не всех детей, а только тех, которые уже *принадлежат* ей либо через родителей, либо через ответственных восприемников, — которые, другими словами, приходят к крещению изнутри сообщества верующих. То, что Церковь считает таких детей *принадлежащими* к ней, доказывается обрядом *воцерковления*, который, будучи правильно понят, совершается как раз над некрещенными детьми родителей-христиан. Но Церковь не «крадет» детей у нехристианских родителей; она не крестит их за спиной у родителей, по крайней мере без явного согласия тех, кто имеет реальную возможность воспитать и ввести их в Церковь. На самом деле Церковь не стала бы считать подобное крещение «действенным». Почему? Потому что Церковь, *зная*, что всем людям необходимо крещение, знает в то же время, что «обновленная жизнь», сообщаемая крещением, исполняется только в Церкви, или, точнее, что Церковь *есть* эта новая жизнь, столь радикально отличная от жизни сего мира, что она «сокрыта со Христом в Боге», — т. е., иначе говоря, хотя крещение совершается над человеком, его реализацией и исполнением является Церковь. Поэтому Церковь крестит только тех, чья *принадлежность* в ней очевидна и может быть подтверждена: либо личной верой и ее исповеданием в случае крещения взрослого оглашенного; либо, в случае крещения младенцев, обещанием и исповеданием веры теми членами Церкви — родителями или восприемниками, — которые имеют власть предложить своего ребенка Богу и будут отвечать за его возрастание в «обновленной жизни».

Теперь мы готовы к самому крещению:

И егда помажется все тело, крещает его священник, проста его держа и зряца права на восток, глаголя:

Крещается рдв Божий (имярек), во имя От-цд, дмннь. И Оынд, лдщмь. И Святого Ду\А, дмннь.

На коемждо приглашении низводя его, и возводя.

И так как мы видели это и снова были тому свидетелями, мы поем радостный Псалом 31:

Блажени, ихже оставишася беззакония, и их-же прикрывшася греси. Блажен муж, емуже не вменит Господь грехи, ниже есть во устех его лесьть...

Этот псалом — продолжение и расширение торжественного «Аминь». Мы снова были свидетелями Божественной милости и всепрощения и воссоздания мира и человека в нем. Мы снова находимся в *начале* — новый человек сотворен по образу и подобию Сотворившего его, в новом мире, исполненном Божественной славы:

...Веселитесь о Господе, и радуйтесь правед-нии, и хвалитесь вси правии сердцем¹⁴.

Глава 3 ТАИНСТВО СВЯТОГО ДУХА

1. Белая одежда

Сразу же после троекратного погружения в воду новокрещенный облачается в *белую одежду*, которая в литургических текстах и в святоотеческих писаниях именуется также *блистающей ризой 1, ризой царскою 2, одеждой нетления 3* и т. п. *И облачая его во одеяния, священник глаголет:*

Окдачается рак Божий (имярек) в ризу правды, ко имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Длишь.

И поется тропарь:

Ризу мне подаждь скетду, одеяня светом яко ризою, многомилостиво Христе Боже наш.

Это один из древнейших обрядов чинопоследования крещения, которому отводится важное место в ранних объяснениях крещения 4.

Со временем, однако, первоначальное понимание этого ритуала сузилось и свелось к чисто внешней символике. Белая одежда, говорят нам, символизирует духовную чистоту и праведность, к которым должен стремиться в своей жизни каждый христианин. И хотя это объяснение не содержит в себе ничего неправильного, недостатком его, фактически общим для всех такого рода символических толкований, является то, что оно оставляет без ответа основной вопрос: какова же природа, каково содержание этой чистоты и праведности?

Однако, как мы уже знаем, сущность богослужения, каждого его обряда и действия состоит в том, что они не только символизируют нечто, но в равной степени *являют и сообщают* то, символом чего они являются.

Так и обряд облачения в белую одежду есть не просто напоминание о чистой и праведной жизни и призыв к ней, ибо если бы это было так, то он в действительности не прибавлял бы ничего нового к обряду крещения: ведь само собой разумеется, что мы принимаем крещение для того, чтобы жить христианской жизнью, которая, в свою очередь, должна быть как можно более чистой и праведной.

Основным принципом литургического богословия, принципом, редко применяемым в искусственных «символических» толкованиях богослужения, является то, что истинное значение каждого священнодействия определяется его местом в чине доследования богослужения, т. е. каждый обряд получает свое значение и смысл в связи с тем, что ему предшествует и что за ним следует. Так, с одной стороны, обряд облачения в белую одежду завершает чинопоследование крещения, причем *облачение* в «блистающую ризу», «ризю света» противостоит *разоблачению* оглашенного перед крещением, его нагоде во время погружения в воду искупления. С другой стороны, этим обрядом *начинается* вторая часть чина посвящения: помазание Святым Миром, сообщение новокрещенному дара Святого Духа. И именно эта двойная функция обряда раскрывает истинное содержание новой жизни, смысл ее *обновления*.

2. Печать дара Духа Святого

Теперь, после троекратного погружения в купель и облачения в белую одежду, священник *помазу-ет* новопросвещенного — *запечатлеват*: святым миром.

Литургическое свидетельство вполне ясно. С одной стороны, миропомазание есть не только органическая часть крещального таинства: оно совершается как исполнение крещения, так же, как следующее действие этого таинства — участие в Евхаристии — есть исполнение миропомазания:

И по еже облещи его молится священник, глаголя молитву сию:

Благословен сей, Господи Боже Вседержителю... даровавын нам недостойным блаженное очищение во святей воде, и Божественное освящение в животворящем помазании: Иже и ныне БЛАГОБОЛНБЫН ПАКИ РОДНТИ ?АБА ТКОСГО НОВОПРОС-вещенАГО водою и Дулом, и вольные невольные грехов оставленне тому ДАровАвын. сам влады-ко Всецрю БЛАГОУТРОБне, длрун тому и печать длрА овятаго и всеснльнлго, и поклднясмаго Твоего Дух*. " прнчАщение овятаго тсла и Чест-ныя Крове ХрнстА Твоего...

Даже в нашем теперешнем чинопоследовании, столь отличном от древнего, столь обедненном по сравнению с торжественным пасхальным празднованием крещения, нет никаких «провалов», никакого разрыва между крещальным погружением в воду, облачением в белую одежду и помазанием святым миром. Человек облачается в белую одежду *потому*, что он окрещен, и *для того*, чтобы быть помазанным.

Однако, с другой стороны, «запечатлевание» святым миром есть, очевидно, новый акт, который, хотя и был подготовлен крещением, все же придает чину посвящения измерение столь радикально новое, что Церковь всегда считала его другим таинством — даром и

таинством, отличным от крещения.

Новизна эта открывается, прежде всего, в формуле, произносимой совершающим таинство, в то время как он «помазует крестившагося святым миром, творя креста образ: на челе, и очесех, и ноздрех, и устех, и обоих ушесех, и персех, и руках, и ногах», «запечатлевают» все тело драгоценным миром, освященным епископом, говоря: «Печать дара Духа Святаго».

Новизна и особенность этого таинства заключается в том, что оно сообщает человеку не какой-нибудь частный дар или какие-то дары Святого Духа, а *самого Святого Духа как дар* (бооео,).

Дар Святого Духа, святой Дух — дар! Можем ли мы проникнуть в неизреченную глубину этой тайны, выразить ее в богословских понятиях? Можем ли мы понять, что *исключительность* этой нашей личной Пятидесятницы состоит в том, что мы получаем как *дар* Того, Кого Христос и только Христос имеет *по природе*: Святого Духа, сообщенного от века Богом Отцом Своему Сыну, Который нисходит на Христа у Иордана, являя Его как *Помазанника* как возлюбленного Сына и Спасителя; что, другими словами, мы получаем как дар Духа, который принадлежит Христу как *Его Дух*, который пребывает во Христе как *Его Жизнь*? Но тогда, в этой нашей личной Пятидесятнице, в миропомазании, Святой Дух нисходит на нас и пребывает в нас как *личный дар* Христа, получаемый от Его Отца как дар Его жизни, Его Сыновства, Его единения со Своим Отцом. «Дух, — говорит Христос, обещая Его приход, — от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; и потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит Вам» (Ин. 16, 14—15). И мы получаем этот личный дар Христова Духа не только потому, что мы уже Христовы по вере и любви, но потому, что эта вера и любовь заставили нас возжелать *Его* жизни, жизни в *Нем*, и потому что в крещении, крестившись во Христа, мы во Христа облеклись. Христос — Помазанник, и мы получаем *Его* помазание; Христос — Сын, и мы получаем сынов-ство; Христос имеет Духа, Который есть Жизнь Его, и нам дается участие в Его Жизни.

И таким образом, в этом, единственном в своем роде, чудесном и поистине божественном помазании, Святой Дух, поскольку Он есть Дух Христов, дает нам Христа, а Христос, поскольку Святой Дух является Его Жизнью, дает нам Духа.

Теперь должно быть ясно, почему «печать дара Духа Святаго» есть и исполнение крещения, и в то же время новое таинство, ведущее новокрещенного дальше. Оно есть исполнение крещения, потому что принять этот дар и воспринять более совершенное призвание может только человек, истинная природа которого уже восстановлена во Христе, человек, свободный от «жала греха», примиренный с Богом и Божиим творением, соделанный снова *самим собой*. Однако это и новое таинство; это «другое» таинство и другая энифа-ния, потому что этот дар Самого Христова Духа

Святого — есть именно *дар*. Он не принадлежит человеческой природе как таковой, хотя именно для получения этого дара человек был сотворен Богом. Подготовленный и получивший возможность своего исполнения благодаря крещению, он выводит человека за пределы крещения, за пределы «спасения»: делая его «Христом» во Христе, помазуя его помазанием Помазанника, он открывает дверь *обожения* (*теозиса*).

Таково значение этого *таинства*, этой *печати*. В ранней Церкви слово *σφραγίς* (печать) имело много значений¹³. Но основное его значение, открываемое в помазании святым миром, очевидно: это *отпечаток* на нас Того, Кто владеет нами; это печать, которая сохраняет и защищает в нас, как в сосуде, ценное содержимое и его благоухание; это *знак* нашего высокого призвания. Во Христе, Который есть «печать подходящего вида» (*οἰκονομία*; 'кто-то яое), мы принадлежим Отцу, мы принимаемся как *сыновья*. Во Христе, истинном и единственном Храме, мы становимся *храмом* Святого Духа. Во Христе, Который есть Царь, Священник и Пророк, мы становимся *царями, священниками и пророками* и, по словам св. Иоанна Златоуста, «в избытии обладаем не одним, а всеми этими тремя достоинствами»¹⁴.

7. Святой Дух

Относительно Святого Духа этот порядок — сначала знание о *Нем*, потом знание *Его*, а потом единение с *Ним* — должен быть обратным. Нет ничего, что бы мы могли знать о *Святом Духе*. Даже свидетельство тех, кто поистине познал Его и был в единении с Ним, не значит для нас ничего, если мы сами не обладаем подобным опытом. Каково же на самом деле может быть значение слов евхаристической молитвы литургии св. Василия Великого о Святом Духе:

«Дух истины, сыноположения дарование, обручение будущего наследия, начаток вечных благ, животворящая сила, источник освящения»? Когда один ученик попросил преп. св. Серафима Саровского точнее объяснить, что есть Святой Дух, святой ничего не стал объяснять, но позволил этому ученику разделить с ним опыт наития Св. Духа, который тот описывает, как ощущение «необыкновенной сладости», «необыкновенной радости во всем сердце», «необыкновенной теплоты», что и является ощущением Святого Духа, так как, по словам преп. Серафима, «когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человека преисполняется неизреченною радостью; ибо Святой Дух радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся...»

Все это означает, что мы *знаем* Святого Духа только по Его присутствию в нас, присутствию, которое проявляется, прежде всего, невыразимой радостью, миром и полнотою. Даже в обычном человеческом языке эти слова — радость, мир, полнота — относятся к области, не поддающейся точному описанию, по самой своей природе находящейся за пределами слов и определений. Они относятся к тем моментам жизни, когда жизнь *преисполнена жизнью*, когда не испытываешь ни недостатка в чем-либо, ни стремления к чему бы то ни было, и нет ощущения ни тревоги, ни страха, ни печали. Человек всегда говорит о счастье, и действительно, жизнь и *есть* поиск счастья, стремление к своему самоосуществлению. О присутствии в нас Святого Духа можно сказать, что это и есть наполнение нас истинным счастьем. И так как это счастье приходит не от какой-либо внешней причины, как это бывает с нашим жалким и хрупким мирским счастьем, которое исчезает вместе с исчезновением причины, его вызвавшей, и не связано ни с чем в нашем мире, но в то же время есть радость обо всем, это счастье должно быть плодом присутствия, пребывания в нас Кого-то, Кто Сам *есть* Жизнь, Радость, Красота, Полнота, Благословение.

Глава 4 ВХОД В ЦАРСТВО

1. Шествие

В древние времена крещение и миропомазание совершались не в храме или его притворе, а в особом здании, называемом *баптистерием*¹. Поэтому сразу же после миропомазания новокрещенных, облаченных в белые одежды и со свечами в руках, епископ и священнослужители, помогавшие ему в совершении таинства, вели в храм, где собравшаяся община ожидала их прибытия, чтобы вместе с ними совершить пасхальную литургию.

В теперешней литургической практике шествие совершается в *конце* чина крещения, и, кроме того, такое же шествие (крестный ход) совершается в *начале* празднования Пасхи. Действительно, в самом конце обряда крещения, сразу же после помазания святым миром, священник вместе с новокрещенным и его восприемниками обходит вокруг крещальной купели, а в это время все присутствующие поют стих из послания апостола Павла: «Блицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь. Аллилуйя!» (Гал. 3, 27). Что касается пасхального богослужения, то каждый знает, что оно начинается с крестного хода: в полночь мы обходим вокруг церкви, и перед закрытой дверью храма слышим первое провозглашение «Христос воскрес!»

Однако подавляющее большинство верующих не знает, что первоначально оба эти шествия составляли одно целое, что *вход* новокрещенных в церковь, который в ранней литургической традиции открывал празднование Воскресения, был его *началом* не только по времени, но и по духу. Другими словами, ключ к смыслу послекрещального шествия вокруг купели следует искать в его связи с Пасхой, в его направленности к пасхальной Евхаристии, точно так же, как ключ к пасхальному богослужению нужно искать в его истоках, в

крещении.

«Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь» — поет Церковь во время послекрещального шествия. И то же поется вместо Трисвятого в пасхальной службе (а также при богослужениях в те праздники, в которые ранняя Церковь совершала крещение, т. е. в Рождество, Богоявление и Лазареву Субботу). Но в ранней литургической практике Трисвятое («Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!») было как раз гимном входа, *«входным»*, процессионным пением, исполнявшимся общиной, когда она вступала в храм и готовила себя к слушанию Св. Писания и участию в Евхаристии. Антифонное пение Трисвятого, которое сейчас предшествует так называемому «малому входу», имело место только в определенных случаях и происходило вне церкви¹ на пути к ней, так что наш «малый вход» был действительно *входом* в церковь, а Трисвятое было гимном, выражающим смысл этого входа как входа в «Святая Святых»². Поэтому замена на Пасху Трисвятого крещальным «входным» пением ясно показывает, что в мысли и практике ранней Церкви крещение было органически связано с евхаристическим собранием, находило свое исполнение во «входе в Церковь» и участии в Евхаристии, и что послекрещальное шествие и вход в храм были началом празднования Церковью Христова Воскресения. Это ясно чувствуется и в нашем теперешнем совершении крещального обряда: с одной стороны, шествие вокруг купели непосредственно предваряет чтения из Апостола и Евангелия, которые обычно составляют первую часть Евхаристического богослужения; а с другой стороны, это *пасхальные* чтения, т. е. как раз те самые, которые слушаются во время пасхального богослужения Великой Субботы.